

*Посвящается папе, который видит звезды,
и Джуд, которая слышит их музыку*

ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Положения звезд и планет в этой книге определяются астрономически. То есть мы признаем такое явление, как прецессия небесных тел, в силу которой смещается точка весеннего равноденствия — астрологический эквивалент Гринвичского меридиана. Прежде весеннее равноденствие (в южных широтах — осеннее) наступало, когда Солнце находилось в созвездии Овна, в первом из знаков. Сейчас оно происходит, когда Солнце находится в созвездии Рыб, в двенадцатом знаке. Следовательно, как непременно отметят читатели этой книги, каждый зодиакальный знак «начинается» примерно на месяц позже, чем принято считать. Этой поправкой мы никоим образом не пытаемся умалить ценность расхожих мнений, однако отмечаем, что вышеупомянутого заблуждения придерживаются вопреки такому материальному факту, как наш небесный свод XIX века; мы дерзнем предположить, что это убеждение отмечено знаком Рыб и, более того, показательно для тех, кто родился в эпоху Рыб — век зеркал, стойкости, интуиции, двойничества и сокровенных тайн. Этим знанием мы и довольствуемся. Оно еще больше подкрепляет нашу веру в обширное и мудрое влияние

беспредельных небес.

ТАБЛИЦА ПЕРСОНАЖЕЙ

СОЗВЕЗДИЯ:

Те Рау Тауфаре, *добытчик нефрита*
Чарли Фрост, *банковский служащий*
Бенджамин Левенталь, *издатель газет*

Эдгар Клинч, *отельер*
Дик Мэннеринг, *магнат, владелец золотых приисков*

Цю Лун, *златокузнец*
Харальд Нильссен, *комиссионер*

Джозеф Притчард, *аптекарь*
Томас Балфур, *владелец транспортно-судоходной компании*
Обер Гаскуан, *секретарь суда*

Су Юншэн, *«шлятник»*
Коуэлл Девлин, *торговый капеллан*

ПЛАНЕТЫ:

Уолтер Мади
Лидия (Уэллс) Карвер, *урожденная Гринуэй*
Фрэнсис Карвер
Алистер Лодербек
Джордж Шепард
Анна Уэдерелл
Эмери Стейнз

TERRA FIRMA¹:

Кросби Уэллс

СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ДОМ:

Хижина Уэллса (долина Арахуры)
Резервный банк (Ревелл-стрит)
Издательство «Уэст-Кост таймс» (Уэлд-стрит)

Гостиница «Гридирон» (Ревелл-стрит)
Золотой прииск «Аврора» (Каньер)

«Чайнатаунская кузня» (Каньер)
«Нильссен и К^о» (набережная Гибсона)

Курильня опиума (Каньер)
«Добрый путь» (барк, совершает регулярные рейсы до Порт-Чалмерса)
Здание суда Хокитики (магистратский суд)

«Удача путника» (Ревелл-стрит)
Хокитикская тюрьма (Сивью)

СОПУТСТВУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ:

Интеллект
Страсть

Насилие
Власть
Ограничение
В апогее (прежде в перигее)
В перигее (прежде в апогее)

(*покойный*)

¹ Твердая земля (*лат.*).

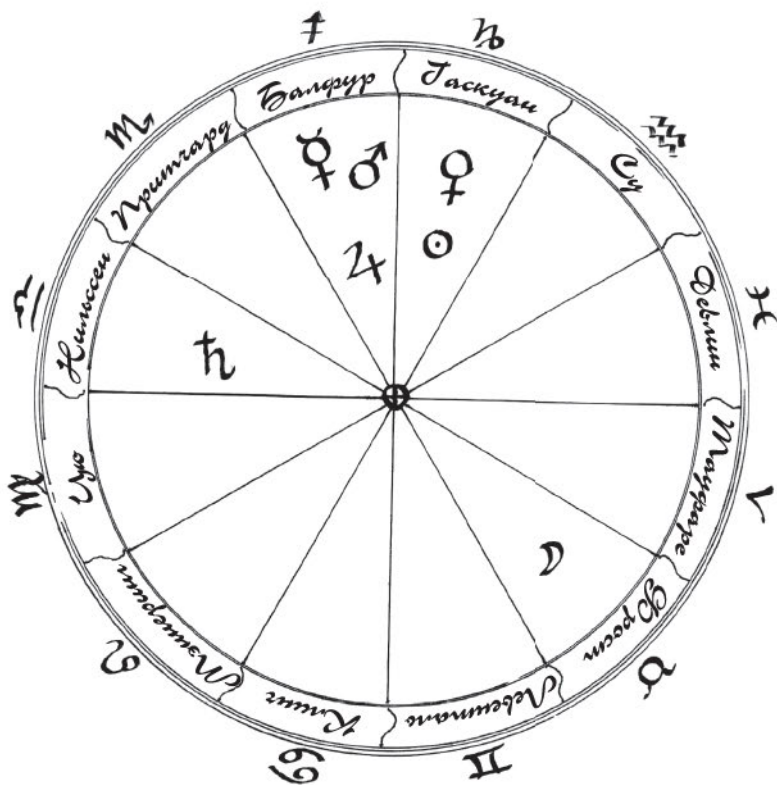
ОГЛАВЛЕНИЕ

I	Сфера внутри сферы	15
II	Пророчества	357
III	Дом саморазрушения	507
IV	Paenga-wha-wha	603
V	Груз и золото	693
VI	«Вдовушка» и платишки	729
VII	Обитель	753
VIII	Правда об «Авроре»	767
IX	Мутабельная земля	777
X	Вопросы наследования	783
XI	Закат Ориона, восход Скорпиона	789
XII	Старая Луна в объятиях новой Луны	793

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сфера внутри сферы

27 января 1866 года
42° 43' 0" ю. ш. / 170° 58' 0" в. д.

МЕРКУРИЙ В СТРЕЛЬЦЕ

Глава, в которой в Хокитике объявляется новое лицо; сорван тайный совет; Уолтер Мади отказывается поделиться свежим воспоминанием, а Томас Балфур приступает к рассказу.

Двенадцать человек, собравшиеся в курительной комнате гостиницы «Корона», на первый взгляд сошлись вместе по чистой случайности. Судя по разнообразию в их одежде и манерах — тут и сюртуки, и фраки, и широкие норфолкские куртки с поясом и роговыми пуговицами, и желтый молескин, и батист, и твил, — с тем же успехом эти люди могли быть двенадцатью совершенно чужими друг другу попутчиками в железнодорожном вагоне, которым суждено разбредиться по разным кварталам города, где туманы и морские приливы навеки разделят их. Действительно, нарочитая отчужденность каждого из присутствующих: один углубился в газету, второй, наклонившись, стряхивал пепел в камин, третий, растопырив пальцы поверх зеленого сукна, изготовился загнать шар в лузу — порождала ту самую осязаемую тишину, что нависает поздними вечерами над железной дорогой, вот только здесь вторгался в нее не глухой и невнятный лязг вагонов, но смачный шум дождя.

Во всяком случае, так показалось мистеру Уолтеру Мади, что стоял в дверном проеме, опершись рукою о косяк. Он понятия не имел, что нарушил какое-то тайное совещание, ведь все речи стихли, едва в коридоре послышались его шаги, а к тому моменту, как он открыл дверь, каждый из двенадцати вернулся к своему прерванному времяпрепровождению (игроки в бильярд встали куда придется, потому что все давно позабыли свои места), и так старательно все изобразили занятость, что, когда Уолтер вошел, никто даже глаз не поднял.

Полное единодушие, с каким эти люди его игнорировали, вероятно, возбудило бы любопытство мистера Мади, находишь он в доб-

ром здравии и в подходящем настроении. Но сейчас его душевное равновесие было поколеблено, его слегка подташнивало. Он загодя знал, что плавание в Западный Кентерберн¹ в худшем случае сулит ему гибель: непрекращающаяся качка на утлом корыте посреди бушующих, вспененных волн закончится на бурлящем кладбище Хокитикской отмели, но к конкретным ужасам путешествия он готов не был — к ужасам, которые до сих пор не мог облечь в слова, даже про себя. Мади был от природы нетерпим к собственным слабостям — страх и болезнь вынудили его уйти в себя, и потому он, вопреки обыкновению, не распознал чарящего в комнате настроения.

Обычно в лице Мади читался приветливый интерес. Его серые глаза, большие и немигающие, и изгиб упругих мальчишеских губ выражали вежливое участие. Волосы круто вились; в юности он носил локоны до плеч, но сейчас подстригал их совсем коротко, делил на боковой пробор и приглаживал с помощью ароматной помады, отчего золотистый оттенок темнел до маслянисто-русого. Лоб и щеки были квадратными, цвет лица — ровным. В его неполные двадцать восемь лет движения его, быстрые и четкие, дышали той проказливой, простодушной живостью, что не заключает в себе ни легковерия, ни вероломства. Он держался под стать тактичному, смышленому дворецкому, и в результате его дарили доверием самые немногословные натуры и приглашали стать посредником в отношениях между людьми, с которыми он только что познакомился. Словом, он обладал внешностью, которая мало что говорила о его истинном характере, зато немедленно к себе располагала.

Мади не то чтобы пребывал в неведении относительно того, какие преимущества дает ему эта отстраненная приветливость. Как многие из тех, кто красотой наделен в избытке, он придирчиво изучил собственное отражение в зеркале и в известном смысле лучше знал себя снаружи, чем изнутри; он вечно прятался в каком-нибудь из уголков своей души, наблюдая за собственным внешним состоянием. Немало часов провел он в алькове своей персональной гардеробной, где зеркало утраивало его образ: он видел себя в профиль, полупрофиль и фас — ни дать ни взять вандейковский «Карл I»²,

¹ *Кентерберн* — обширный регион Новой Зеландии, расположен в центральной части Южного острова, на западе граничит с регионом Уэст-Кост, на юге — с регионом Отаго. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

² *Антонис Ван Дейк* (1599–1641) — фламандский художник, живописец и график, мастер придворного портрета и живописи на мифологические и религиозные сюжеты. Его портрет «Карл I в трех ракурсах» (1636) изображает английского короля словно бы глядящимся в трельяж, боковые зеркала которого отражают его под углом.

только куда более импозантный. В этой тайной практике он бы никогда не признался: ведь как решительно осудили самоанализ столпы морали нашего века! Как будто сущность человеческая — это звук пустой, а в зеркало смотрят лишь затем, чтобы укрепиться в гордыне; как будто акт самосозерцания не столь же тонок, изменив и непрост, как любая связь между родственными душами. Завороженный Мади стремился не столько восславить свою красоту, сколько подчинить ее себе. Безусловно, всякий раз, как он замечал свое отражение, будь то в коробчатом окне или в стекле с наступлением темноты, он трепетал от удовольствия — что-то подобное, должно быть, чувствует инженер, случайно столкнувшись с механизмом собственного изобретения и обнаружив, что механизм этот великолепен, весь блестит, хорошо смазан и работает в точности так, как задумывалось.

Вот и сейчас он мысленно видел себя в дверях курительной комнаты и знал, что выглядит воплощением безмятежной собранности. Он едва не падал с ног от усталости; на душу давило свинцовое бремя ужаса; ему казалось, за ним следят, его преследуют; его захлестывал страх. Он обвел глазами комнату с видом вежливо-отстраненным и одновременно уважительным. Помещение выглядело так, словно его заново отстроили по памяти спустя немало лет, когда многое позабылось (железные подставки в камине, подходящая каминная доска, шторы), но мелкие детали сохранились, например: портрет покойного принца-консорта, вырезанный из журнала и обувными гвоздиками приколотый к стене, обращенной во двор; шов поперек бильярдного стола, что был распилен надвое в Сиднейском порту для вящего удобства транспортировки; стопка широкоформатных газет на секретере — страницы их истерлись и засалились от прикосновений множества рук. Два маленьких оконца по обе стороны от очага выходили на задний двор гостиницы — заболоченный клочок земли, замусоренный деревянными ящиками и ржавеющими баками; от соседних участков его отделяли лишь заросли кустарника да низкий папоротник, а с севера — ряд клеток для сушек, с дверцами, скрепленными цепью для защиты от воров. За этими неопределенными рубежами виднелись провисшие бельевые веревки, протянутые туда и сюда между домами через квартал к востоку; штабеля необтесанных бревен, свинарники, горы металлического лома и листового железа, поломанные лотки и желоба — все заброшенное, все так или иначе в состоянии неисправном. Часы уже пробили тот поздний сумеречный час, когда все краски словно бы разом теряют яркость. Ливня лил дождь; сквозь подернутое рябью стекло двор

казался обесцвеченным и поблекшим. Внутри спиртовые лампы еще не вытеснили сине-зеленый свет угасающего дня: их тусклость лишней раз подчеркивала общую безотрадность внутреннего декора.

Жалкое то было зрелище для человека, привычного к своему клубу в Эдинбурге, где все подсвечено алым и золотым, а обитые декоративными гвоздиками диваны упитанно поблескивают, отражая габариты сидящих джентльменов; где на входе выдают мягкий жакет, от которого приятно пахнет анисом или мятой, а потом стоит шевельнуть пальцами в направлении звонка, и сей же миг появляется бутылка кларета на серебряном подносе.

Но Мади был не из тех, для кого скверные условия — это повод для хандры, грубая простота обстановки лишь заставила его внутренне отстраниться: вот так богач, столкнувшись на улице с нищим, поспешно шагнет в сторону и словно остекленеет. Пока он оглядывался по сторонам, кроткое выражение его лица нимало не изменилось, но каждая новая деталь — горка оплывшего воска под свечой, налет грязи на стекле — вынуждала его уходить все глубже внутрь себя и тем сильнее напрягаться всем телом в виду подобной картины.

Это отвращение, пусть и произвольное, объяснялось не столько пресловутой предвзятостью богатства — на самом деле Мади был лишь относительно богат и частенько бросал нищим монеты, хотя (надо признать) не без толики удовольствия при мысли о собственной щедрости, — сколько смятением чувств, которое он в настоящий момент незаметно для кого-либо пытался обуздать. В конце концов, это же городишко на золотом прииске, только-только построенный между джунглями и прибором на южной оконечности цивилизованного мира; откуда тут взяться роскоши!

Правда заключалась в том, что еще шести часов не прошло с тех пор, как на корабле, доставившем его от Порт-Чалмерса до дикого клочка побережья, Мади стал свидетелем события настолько из ряда вон выходящего, настолько впечатляющего, что впору было усомниться в реальности как таковой. Эта сцена все еще стояла у него перед глазами — словно на задворках сознания чуть приоткрылась дверь, впуслав полосу тусклого света, и теперь он ни за что не захотел бы снова оказаться в темноте. Ему стоило немалых усилий не открыть дверь пошире. В столь уязвимом состоянии любая странность и любое неудобство способны были задеть до глубины души. Мади казалось, что вся эта гнетущая обстановка — не более чем совокушное эхо недавно пережитых испытаний; он с отвращением от-

странялся от нее, чтобы помешать собственным мыслям отследить эту связь и вернуться к прошлому. На помощь пришло надменное презрение. Оно дарило стойкое чувство меры, правоту, к которой можно воззвать — и почувствовать себя в безопасности.

Мади обозвал комнату убогой, жалкой, унылой — и, укрепив тем самым дух противу обстановки, обратился к ее двенадцати обитателям. Пантеон наизнанку, подумал он, и вновь почувствовал себя увереннее, потешив тщеславие.

Это были типичные колонисты — закаленные, покрытые бронзовым загаром, губы их растрескались и побелели, весь облик свидетельствовал о лишениях и нужде. Двое, в совершенно одинаковых парусиновых туфлях и серых хлопчатобумажных рубашках, были китайцами; позади них стоял абориген-маори, лицо его покрывали сине-зеленые спирали татуировки. О происхождении остальных Мади мог только гадать. Он еще не понимал, что работа золотодобытчика способна состарить человека за несколько месяцев; обводя взглядом комнату, он почитал себя самым юным из присутствующих, в то время как в действительности несколько человек были моложе его или приходились ему ровесниками. Пыл юности давно в них погас. Они навсегда останутся такими, как сейчас, — ворчливо-недовольными, беспокойными, хваткими, посеревшими, выкашливающими пыль в темные морщинистые ладони. Мади считал их неотесанными мужланами, по-своему колоритными, но... птицами невысокого полета; Мади взять не мог в толк, почему они все молчат. Ему хотелось заказать бренди, присесть где-нибудь и закрыть глаза.

Войдя, Мади выжидательно помешкал в дверях, но, видя, что его не спешат ни поприветствовать, ни прогнать, шагнул вперед и осторожно прикрыл за собою дверь. Он изобразил поклон, ни к кому конкретно не адресованный — в сторону окна, затем в сторону очага, — и, представившись тем самым всем и каждому, подошел к столику для закусок, где были выставлены несколько графинов, и принялся смешивать себе напиток. Он выбрал сигару, обрезал ее и, стиснув между зубами, вновь обернулся и обвел глазами посетителей. Похоже, его присутствие никого не затрагивало. Что ж, его это вполне устроило. Мади уселся в единственное свободное кресло, закурил сигару и откинулся назад с тайным вздохом, как человек, который знает, что покой и отдых им в кои-то веки вполне заслужены.

Но блаженство его длилось недолго. Не успел он вытянуть ноги и скрестить лодыжки (соль на брюках уже высохла — белыми разводами, такая досада!), как сидящий в кресле справа от него чело-

век подался вперед, ткнул в воздух огрызком сигары и поинтересовался:

— Послушайте, у вас тут, в «Короне», дело что ль какое?

Вопрос прозвучал несколько неожиданно, но Мади ничуть не изменился в лице. Учтиво поклонившись, он объяснил, что прибыл в город не далее как этим вечером и действительно снял комнату наверху.

— Только с корабля, стало быть.

Мади снова поклонился и подтвердил, что имел в виду именно это. А чтобы краткость ответа не сочли за грубость, он добавил, что приплыл от Порт-Чалмерса с намерением попытаться силы в золотодобыче.

— Славно, славно, — похвалил собеседник. — Тут выше по берегу новые россыпи обнаружили — прям прова! Черный песок; о нем повсюду трубят; черный песок по дороге на Чарльстон. Чарльстон, он, натурально, отсюда к северу. Хотя и в ущелье пока еще есть чем поживиться. Вы тут с напарником или один приехали?

— Один, — кивнул Мади.

— То есть никаких связей! — воскликнул незнакомец.

— Ну, — отозвался Мади, вновь удивляясь его формулировке, — я собираюсь заработать здесь состояние, вот и все.

— Никаких связей, — повторил собеседник. — И никакого дела; у вас ведь тут, в «Короне», никаких дел нет?

Что за наглость — спрашивать об одном и том же дважды! Но незнакомец, казалось, глядел вполне дружелюбно и даже несколько рассеянно, теребя пальцами отворот жилетки. «Вероятно, — подумал Мади, — я недостаточно ясно выразился».

— В здешней гостинице я только отдохнуть собираюсь, вот и все мои дела, — отвечал он. — В течение следующих нескольких дней я наведу справки обо всем, что касается золотодобычи: какие реки золотоносны, какие долины безрудны. Ознакомлюсь, так сказать, со старательским житьем-бытьем. Я намерен прожить в «Короне» неделю, а затем отправлюсь вглубь острова.

— То есть прежде вы золота не мыли?

— Нет, сэр.

— И даже «знаков» не видели?

— Золото я видел разве что в ювелирной лавке — на часах, на пряжке, там, а в чистом виде никогда.

— Но вы ведь о нем грезили, о чистом золоте! Мечтали, как будете стоять на коленях в воде, отделяя металл от шлихов!

— Пожалуй что и нет... наверное, нет, не то чтобы мечтал, — признался Мади. Столь экстравагантная речь его несколько озадачила; несмотря на всю свою рассеянность, собеседник говорил так увлеченно и с таким жаром, что это уже граничило с назойливостью. Мади оглянулся, надеясь поймать чей-нибудь сочувственный взгляд, но никто даже не посмотрел в его сторону. Он откашлялся и добавил: — Наверно, я мечтал о том, что будет после... то есть к чему золото ведет и чем может стать.

Кажется, ответ пришелся незнакомцу по душе.

— Алхимия наоборот — вот как я это называю, — отозвался он, — ну то есть весь этот старательский бизнес. Алхимия наоборот. Вы ведь понимаете, трансмутация — превращение не в золото, а превращение золота во что-то другое...

— Интересный образ, сэр. — Лишь много позже Мади осознал, насколько это представление созвучно с его недавней фантазией про «пантеон наоборот».

— А насчет наведения справок... — рьяно закивал незнакомец. — Справок, говорите. Вы небось станете расспрашивать про лопаты, про лотки для промывки, карты там, все такое...

— Да, именно так. Я намерен подойти к делу профессионально.

Незнакомец, развеселившись от души, откинулся к спинке кресла:

— Недельный пансион в гостинице «Корона», только чтобы вопросы позадавать! — Он громко хохотнул. — А потом две недели в грязи, чтобы вернуть свои денежки!

Мади вновь скрестил ноги. Он был не в том состоянии, чтобы разделить энтузиазм собеседника, но строгое воспитание не позволяло ему проявить неучтивость. Он мог просто извиниться за свою безучастность, сославшись на какое-нибудь общее недомогание, — собеседник, казалось, был настроен вполне сочувственно, с его неспокойными пальцами и булькающим смехом, — но Мади не привык откровенничать с посторонними и уж тем более жаловаться кому-либо на недуги. Он внутренне встряхнулся и бодрым тоном осведомился:

— А вы, сэр? Вы, верно, здесь постоянно живете?

— О да, — откликнулся собеседник. — «Судоперевозки Балфур», да вы нас наверняка видели, сразу за складами, местечко что надо — Верфь-стрит, сами понимаете. Балфур — это я и есть. А звать меня Томасом. Вам тут тоже без крещеного имечка никуда; на приисках «мистерам» не место.

— Так, значит, надо начинать упражняться уже сейчас, — отозвался Мади. — Меня зовут Уолтер. Уолтер Мади.

— Понял; да только вас станут кликать как угодно, только не Уолтером, — промолвил Балфур, поглаживая колено. — Может, Уолт Шотландец или Двуручный Уолт. Уолли Самородок. Ха!

— Такое имя еще надо заработать.

Балфур расхохотался.

— Долго ли умеючи? — подмигнул он. — Тут самородочки попадают размером с дамский пистолет, здоровущие, как дамские эти самые... и, в отличие от последних, пощупать их ничего не стоит — сами в руки идут.

Томасу Балфур, плотному, крепко сбитому здоровяку, стукнуло около пятидесяти. Волосы его, совсем поседевшие, были зачесаны назад со лба и низко спускались на уши. Он носил бороду лопатой и в веселую минуту имел обыкновение поглаживать ее сверху вниз сложной в пригоршню рукой — как вот сейчас, радуясь собственной шутке. Процветание ему шло, отметил Мади, распознав в новом знакомце то спокойное ощущение собственной значимости, что возникает, когда пожизненный оптимизм подкреплен успехом. Балфур был без пиджака; широкий шелковый, превосходно пошитый галстук был заляпан соусом и ослаб у шеи. Мади мысленно типировал собеседника как свободолюбца — безобидного неконформиста, жизнерадостного во всех своих излияниях.

— Я ваш должник, сэр, — промолвил он. — Это первый из многих здешних обычаев, относительно которых я, по-видимому, пребываю в полном неведении. Если бы не вы, я непременно оплошал бы, назвавшись на прииске по фамилии.

Действительно, представления Мади о золотодобыче в Новой Зеландии были весьма поверхностны и основывались главным образом на очерках о золотых приисках Калифорнии — бревенчатые бараки, суходолы, пропыленные повозки и смутное ощущение (он сам не знал, откуда оно взялось), что колония вроде как тень Британских островов, неразвитый, дикий придаток престола и сердца Империи. То-то он удивился, огибая оконечности полуострова Отаго двумя неделями ранее, при виде роскошных особняков на холме, набережных, улиц и возделанных садов — удивлялся он и теперь, отметив, как хорошо одетый джентльмен передал шведские спички китайцу, а затем потянулся через него за бокалом.

Мади был выпускником Кембриджа; родился он в Эдинбурге, был наследником скромного состояния и штата из трех домашних слуг. Его круг общения — сперва в Тринити-колледже, потом, в не-

давние годы, в «Иннер темпле»¹ — вовсе не был отмечен заостренной церемонностью высшей знати, где в том, что касается предыстории и среды, один отличается от другого разве что рангом. Тем не менее образование сделало его замкнутым и сдержанным, ибо научило, что лучший способ понять любую социальную систему — это взглянуть на нее сверху. Со своими однокашниками по колледжу (одетыми в мантии и упившимися рейнвейном) он отстаивал слияние классов со всей страстью и пылом юности, однако, сталкиваясь с ним на практике, всякий раз вздрагивал. До поры он ведать не ведал, что золотой прииск — место грязное и рисковое, где все друг другу чужие и чужие этой земле, где в лотке бакалейщика золотых «знаков» может оказаться полным-полно, а в лотке юриста хоть шаром покати; сословных перегородок здесь нет. Мади был моложе Балфура лет на двадцать и изъяснялся с ним почтительно, хотя и сознавал, что Балфур стоит ниже его по общественному положению, сознавал и то, насколько разношерстная компания подобралась в этой комнате, — о происхождении их и статусе ему приходилось только гадать. Потому его учтивость была несколько скованной: так человек, которому нечасто доводится общаться с детьми, слабо себе представляет, что уместно, а что нет, и держится отстраненно и сурово, как бы ни хотел проявить сердечность.

Снисходительный тон не прошел незамеченным для Томаса Балфура — и он наслаждался от души. Он испытывал шутовскую неприязнь к тем, кто, как сам он выражался, «уж больно красно говорит», и любил их подначивать, провоцируя не на гнев, ведь это скучно, а на вульгарность. Он смотрел на чопорность Мади, как на модный воротник в аристократическом стиле, что давит невыносимо, — именно так Балфур воспринимал все условности приличного общества — как никчемные украшения; его забавляло, что из-за своей утонченной светскости чужак чувствует себя настолько не в своей тарелке.

Сам Балфур происходил из низов: Мади верно догадался. Отец Балфура работал в шорной мастерской в Кенте, и сын, вероятно, пошел бы по его стопам, если бы и отец, и конюшня не погибли при пожаре, когда ему только-только исполнилось десять; но он был тем еще непоседой, его обтрепанные манжеты и неугомонный нрав совершенно не вязались с мечтательным, слегка растерянным выражением его лица; упорный труд не пришелся бы ему по вкусу. Как бы

¹ «*Иннер темпл*» (или «Внутренний темпл») — самый старый и известный из четырех «Судебных иннов», четырех корпораций барристеров в Лондоне.

то ни было, коню за паровозом не угнаться, любил повторять он, и ремесло не выдержало натиска стремительных перемен. Балфуру очень нравилось думать, что он в авангарде эпохи. Когда он заговаривал о прошлом, казалось, каждое десятилетие, предшествующее нынешнему году, — это некачественная свеча, уже догоревшая и использованная. Он не испытывал ностальгии по атрибутам своей мальчишеской жизни — по темной жидкости дубильных чанов, по натянутым на каркасы шкурам, по мешочку из телячьей кожи, в котором отец хранил иглы и шило, — и редко вспоминал о них, разве что для сравнения с современным производством. Руда — вот где деньги. Угольные копи, сталь и золото.

Начал он со стекла. Проходив несколько лет в ученичестве, он основал собственное стекольное производство: скромный заводик, который со временем продал за долю в угольной шахте, что в свой срок расширилась до целого комплекса шахтных стволов; лондонские инвесторы выложили за него изрядную сумму. Балфур так и не женился. На свой тридцатый день рождения он купил билет в один конец на клипер, идущий в Веракрус, — то был первый этап девятимесячного путешествия, далее предстояло ехать по суше до калифорнийских золотых месторождений. Романтика старательской жизни для него скоро поблекла, но бешеный темп и сладкие чаяния приисков — нет; на первую же добытую порцию золотого песка он купил акции банка, за четыре года построил три отеля и разбогател. Когда калифорнийские недра подытожились, он все распродал и отплыл в австралийскую колонию Виктория — новое месторождение, новая, неисследованная земля — и оттуда, вновь услышав зов, долетевший из-за океана, словно напев эльфийской свирели на крыльях ветра, в Новую Зеландию.

За шестнадцать лет на золотоносных приисках Томас Балфур перевидал немало людей вроде Уолтера Мади и, надо отдать должное его характеру, сохранил за все эти годы глубокую симпатию и уважение к зеленым новичкам, еще не попробовавшим себя в настоящем деле. Балфур сочувствовал честолюбцам, как человек, добившийся успеха своими собственными силами, был выше стереотипов и обладал широкой душой. Он ценил предприимчивость, равно как и страстность. Он был склонен проникнуться к Мади симпатией уже просто потому, что этот человек взялся за род деятельности, о котором явно знал очень мало и от которого ожидал немалой прибыли.

Однако на тот вечер у Балфура были иные планы. Появление Мади застало врасплох двенадцать собравшихся, которые загодя

позаботились, чтобы их не потревожили. Гостиную в передней части дома закрыли «на частное мероприятие», а под навесом поставили мальчишку наблюдать за улицей, на случай, если кому-нибудь придет в голову зайти пропустить здесь стаканчик, — маловероятно, поскольку курительная комната «Короны» обычно не славилась ни своим обществом, ни привлекательностью и на самом-то деле довольно часто пустовала, даже вечерами в выходные, когда старатели толпами стекались с холмов обратно в город потратить добытый песок на выпивку в веселых домах. Мальчишка-дежурный был от Мэннеринга и держал наготове толстую пачку билетов на галерку для бесплатной раздачи. Новый спектакль — «Дух Востока» — не мог не понравиться; в фойе оперы уже громоздились ящики с шампанским, любезно предоставленные за счет самого Мэннеринга, в честь премьеры. При наличии таких развлечений и полагая, что никакой корабль не рискнет осуществить высадку пасмурным вечером столь непогожего дня (все прибытия, запланированные согласно графику движения судового транспорта на страницах «Уэст-Кост таймс», к тому времени уже были учтены), собравшиеся и не подумали принять меры предосторожности против случайного чужака, который, возможно, зарегистрировался в гостинице за каких-нибудь полчаса до наступления темноты и уже находился в здании, когда мальчишка Мэннеринга заступил на свой пост у крытого входа, на мокром крыльце, выходящем на улицу.

Уолтер Мади, несмотря на располагающий вид и учтиво-отстраненную манеру держаться, тем не менее был здесь непрошеным гостем. Все в толк не могли взять, как бы убедить его уйти, не дав при этом понять, что его присутствие нежелательно, и тем самым не выдав подрывного характера своего собрания. Томас Балфур взял на себя задачу «прощупать» чужака лишь в силу случайности — раз уж они оказались рядом у очага: счастливое совпадение, ибо Балфур, при всем своем фанфаронстве и пустозвонстве, был куда как въедлив и умел повернуть обстоятельства к вящей своей выгоде.

— Ну да, — отозвался он, — обычаи-то перенимаешь быстро, и всем приходится начинать с того же самого места, что и вы, — то есть с ученичества, собственно говоря, с нуля. А могу ли я полюбопытствовать, что заронило зерно в благодатную почву? Личный интерес у меня такой: больно уж хочется знать, что влечет людей сюда, на край земли? От какой такой искры человек так и зажигается?

Прежде чем ответить, Мади затянулся сигарой.